

И.Г. Шницлер

Ростопчин и Кутузов

Россия в 1812 году

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Г. Шницлер**
Ростопчин и Кутузов: Россия в 1812 году / И.Г. Шницлер – М.: Книга по Тре-
бованию, 2013. – 236 с.

ISBN 978-5-458-09352-1

ISBN 978-5-458-09352-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

произвели самое ошеломляющее впечатлѣніе. Интересъ этотъ былъ настолько великъ, что всякая книжка, трактовавшая о Московскомъ пожарѣ, о его виновникахъ, о дѣятельности русской арміи и ея главнокомандующаго расходилась во многихъ тысячахъ экземпляровъ и выдерживала по нѣсколько изданій. Особенно же сильно была заинтересована вся Европа личностью гр. Θ . В. Ростопчина. Вѣдь пожаръ Москвы, съ одной стороны, былъ прямо неслыханной вещью, которая совершенно не укладывалась въ мозгу западно-европейскаго бюргера, а съ другой—это былъ первый мощный ударъ, нанесенный грозѣ всей Европы—Наполеону и положившій, наконецъ, предѣлъ его завоевательнымъ порывамъ.

Съ легкой руки самого Наполеона этотъ пожаръ былъ приписанъ, не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи, тогдашнему московскому главнокомандующему Θ . В. Ростопчину и надолго упрочилъ за нимъ эту славу. Въ Европѣ въ то время имя Ростопчина было буквально у всѣхъ на устахъ; его портреты расходились тамъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ ; его самого милостиво допускали къ себѣ коронованныя особы, а толпы зѣвакъ довольно долго не давали покоя нашему прославившемуся соотечественнику, когда онъ, выйдя въ 1814 г. въ отставку, рѣшилъ покинуть Россію, гдѣ какъ разъ къ его заслугамъ относились довольно скептически, начиная отъ самого московскаго населенія и кончая Александромъ I, и обосноваться на время за границей.

«Никто не можетъ быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ», могъ бы не безъ основанія сказать по этому поводу самъ Θ . В. Ростопчинъ, но вся бѣда

въ томъ, что онъ и самъ далеко не считалъ себя такимъ пророкомъ.

Онъ, правда, страстно желалъ сжечь Москву передъ самымъ носомъ Наполеона; съ этимъ планомъ онъ постоянно носился, начиная съ того времени, какъ русскіе уступили надвигавшемуся неприятелю Смоленскъ, и становилось мало-по-малу яснымъ для всякаго сколько-нибудь дальнзоркаго человѣка, что та же участь ожидаетъ и Москву. Но одного страстнаго желанія Ростопчина, несмотря на весь его пылкій и стремительный характеръ, было все же недостаточно, чтобы окончательно заставить его рѣшиться на такую необычайную мѣру самообороны, какъ сожженіе столицы, и взять на себя всю отвѣтственность за нее.

Тѣ полномочія, которыми надѣлилъ въ 1812 г. Ростопчина Александръ I, правда, весьма обширныя, все же были недостаточны, и Ростопчинъ самъ лучше всѣхъ другихъ понималъ и чувствовалъ это.

Онъ пробовалъ было заговаривать объ этомъ съ самимъ государемъ, когда послѣдній еще въ іюль 1812 г. посѣтилъ Москву, но Александръ Павловичъ, повидимому, сознательно уклонился отъ обсуждения цѣлесообразности подобной мѣры; пробовалъ Ростопчинъ предлагать свой фантастическій до ужаса планъ главнокомандующему русской арміей кн. Кутузову, рассчитывая, что тотъ рѣшится раздѣлить съ нимъ отвѣтственность, но Кутузовъ оказался даже противникомъ этой мѣры. Не возражая прямо Ростопчину, онъ просто постарался убаюкать его увѣреніями, что Москва ни въ какомъ случаѣ не будетъ отдана неприятелю и, слѣдовательно, въ сожженіи ея не предвидится надобности. Не встрѣчалъ, наконецъ, отклика своимъ планамъ Ростопчинъ и въ средѣ остальныхъ обще-

ственныхъ дѣятелей того времени. Одни изъ нихъ пожимали плечами въ отвѣтъ на его слова, другіе считали ихъ просто дикой выходкой, какихъ немало приходилось имъ и раньше слышать изъ устъ словоохотливаго и энергичнаго московскаго главнокомандующаго.

Ростопчинъ, такимъ образомъ, былъ предоставленъ въ этомъ вопросѣ самому себѣ. Но это было бы для него еще польза-бѣды. Онъ, пожалуй, и при этихъ условіяхъ рѣшился бы на осуществленіе своего проэкта, если бы позади у него не было почти 11-ти лѣтняго устраненія отъ дѣлъ.

Сойдя со сцены незадолго до смерти императора Павла I, онъ вплоть до середины 1812 года долженъ былъ оставаться не у дѣлъ, несмотря на всѣ свои стремленія приблизиться къ новому государю и вопреки потребностямъ самой его кипучей и дѣятельной природы.

«Безъ дѣла и безъ скуки

Сижу, поджавши руки»

любилъ съ ѣдкой ироніей говорить онъ о самомъ себѣ; не слѣдуетъ однако ни въ коемъ случаѣ думать, что къ своему вынужденному бездѣлью онъ относился совершенно равнодушно.

Дѣло обстояло, конечно, далеко не такъ. Неудачи всѣхъ попытокъ пробиться снова къ верху общественной пирамиды сильно задѣвали его самолюбіе, въ особенности, когда онъ видѣлъ, что предпочтеніе отдается молодымъ государемъ всякимъ, съ его точки зрѣнія, молокососамъ или же выскочкамъ, вроде, напримѣръ, Сперанскаго.

Достаточно умный отъ природы, онъ, конечно, не могъ не понять, что отъ Александра I его отдѣляетъ прежде всего глубокая разница обществен-

ныхъ идеаловъ и взглядовъ почти по всѣмъ кореннымъ вопросамъ русской жизни. Къ чести его надо сказать, что подлаживаться ко взглядамъ монарха онъ считалъ все-таки ниже своего достоинства, но не считаться съ ними онъ, разумѣется, не могъ.

И вотъ, когда общественная волна всеобщаго воодушевленія и увлеченія патриотизмомъ выдвинула его снова на отвѣтственный постъ, онъ ухватился за эту неожиданно открывшуюся для него возможность выйти изъ своего «бездѣлья», сблизиться съ Александромъ Павловичемъ и заручиться расположеніемъ послѣдняго, какъ пользовался онъ расположеніемъ его отца.

Какъ бы громко самъ Ростопчинъ ни заявлялъ о своей миссіи спасти Москву и Россію, все же главнымъ и руководящимъ стимуломъ его дѣятельности на посту московскаго главнокомандующаго было—войти въ довѣріе Александра I. Именно поэтому, несмотря на широту предоставленныхъ ему полномочій, онъ предпочиталъ почти по всѣмъ болѣе или менѣе важнымъ вопросамъ своей дѣятельности узнавать предварительно мнѣніе государя, чтобы не разойтись съ нимъ рѣзко въ характерѣ мѣропріятій. И когда, передъ оставленіемъ Москвы французамъ, Ростопчину пришлось окончательно рѣшить вопросъ о судьбѣ столицы, онъ не могъ, разумѣется, не считаться въ своихъ размышленіяхъ съ тѣмъ, какъ отнесется къ подобному его поступку Александръ I. Слѣдуетъ также сказать, что Ростопчинъ имѣлъ много основаній предугадывать отношеніе государя къ такому сверхъ-героическому средству, какъ пожаръ Москвы. Послѣдующее отношеніе Александра Павловича, который раздѣлялъ со всѣми общее убѣжденіе, что московскій пожаръ—дѣло рукъ Ростопчина,—лишь подтвердило

догадки московскаго главнокомандующаго и оправдывало его нерѣшительность.

И Ростопчинъ такъ и покинулъ Москву, не приведя въ исполненіе своихъ намѣреній. Все, что рѣшился онъ предпринять въ этомъ отношеніи, сводилось лишь къ тому, что онъ приказалъ вывезти изъ столицы всѣ пожарныя трубы и насосы да въ каминныя обоихъ своихъ московскихъ домовъ заложить заряды пороха. Первое изъ только что указанныхъ мѣропріятій, безъ сомнѣнія, оказало значительное вліяніе на распространеніе и силу Московскаго пожара, но само по себѣ, взятое въ отдѣльности, оно, конечно, не могло сжечь Москвы.

Въ этой оцѣнкѣ дѣятельности Ростопчина мы расходимся съ авторомъ этой книги, который считаетъ возможнымъ, оцѣнивъ всѣ существовавшія на этотъ счетъ показанія свидѣтелей-очевидцевъ и опубликованные до изданія его книги историческіе матеріалы и документы, склониться къ выводу, что роль Ростопчина въ этомъ трагическомъ эпизодѣ была болѣе активной. Но, расходясь съ авторомъ въ оцѣнкѣ этой роли московскаго главнокомандующаго, мы все же должны сказать, что онъ имѣлъ много основаній сдѣлать соотвѣтствующій выводъ. Нельзя сказать, чтобы его заключеніе было голословно, или повторяло безъ критики чужія слова.

Правда, онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ документовъ, которые опубликованы по этому вопросу въ Россіи въ настоящее время, но въ сущности даже и теперь, и при новомъ освѣщеніи этого событія исторической критикой, многія детали Московскаго пожара остаются спорными... Поэтому, даже и не соглашаясь съ авторомъ, мы должны признать, что онъ защищаетъ взгляды, которые и по сію пору продолжаютъ находить своихъ

приверженцевъ. И въ то же время въ книгѣ Шницлера цѣнно то, что онъ вводитъ читателя въ кругъ всѣхъ противорѣчивыхъ мнѣній, слуховъ, догадокъ и свидѣтельствъ, какіе существуютъ, какъ по вопросу о московскомъ пожарѣ, такъ и по ряду другихъ болѣе или менѣе спорныхъ вопросовъ русской исторіи.

Предлагаемый читателю переводъ представляетъ въ сущности лишь часть труда г. Шницлера, ту именно часть, которая охватываетъ событія отечественной войны или же служить непосредственнымъ введеніемъ къ нимъ. Остановливаясь особенно подробно на личности гр. Ростопчина, авторъ удѣляетъ въ началѣ книги свое вниманіе той быстрой карьерѣ, которую прошелъ при Павлѣ I этотъ русскій вельможа, и попутно даетъ довольно яркую характеристику всего царствованія предшественника Александра Павловича. Мы надѣемся, что читатель прочтетъ съ интересомъ эти страницы книги Шницлера и не посѣтуетъ какъ на это, такъ и на рядъ другихъ его отступленій отъ основной темы.

Удѣляя главное вниманіе Ѳ. В. Ростопчину, авторъ настоящей книги все же достаточно подробно останавливается, какъ на дѣятельности, такъ и на самой личности главнокомандующаго русскими арміями кн. Кутузова, чтобы у читателя могло составиться вполне ясное и отчетливое представленіе обо всемъ этомъ. Мы уже указывали, что онъ въ сущности чуждъ обычнаго шовинизма иностранныхъ историковъ, изъ которыхъ очень многіе страдаютъ своеобразнымъ дальтонизмомъ, привыкнувъ разсматривать историческія событія лишь черезъ патріотическую призму. Что касается русской арміи и ея руководителей,—Шницлеръ вообще стоитъ выше подобныхъ упрековъ, но зато по отношенію

къ болѣе близкой его сердцу французской арміи онъ не всегда выказываетъ достаточное безпристрастіе. Но подобные недочеты, какъ ужъ говорили выше, не такъ ужъ часты и не такъ значительны, чтобы отразиться на достоинствѣ книги.

Исправленіе кое-какихъ недосмотровъ и неточныхъ указаній фактическаго характера читатель найдетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, составленныхъ нами на основаніи русскихъ источниковъ, которые не могли быть вовсе извѣстны Шницлеру, когда онъ работалъ надъ своимъ трудомъ.

Чтобы не дѣлать книгу тяжеловѣсной, благодаря постояннымъ ссылкамъ на источники, мы сознательно устранили ихъ изъ настоящаго изданія, такъ какъ оно предназначается не для специалистовъ-историковъ, а для болѣе широкой аудиторіи читающей русской публики, интересующейся событіями отечественной исторіи и желающей возобновить въ своей памяти въ связной и доступной формѣ тотъ циклъ событій, столѣтнюю годовщину которыхъ собирается праздновать Россія.

Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ лишь указать, или, вѣрнѣе, перечислить главные изъ тѣхъ трудовъ и историческихъ работъ, которыми пользовался Шницлеръ при составленіи своей книги.

Изъ иностранныхъ источниковъ имъ были использованы для этой цѣли: «Воспоминанія гр. Толля», изданныя г. Бернгарди; дневникъ генерала Р. Вильсона, изданный впослѣдствіи подъ заглавіемъ «Рассказъ о вторженіи Наполеона Бонапарта въ Россію,» «Дипломатическая переписка I. де-Местра,» собранная г. А. Бланкомъ; Домергъ «Россія въ эпоху войнъ Имперіи 1805—1815 гг.»; Тьеръ, «Исторія Консульства и Имперіи» и др.

Изъ русскихъ же историческихъ сочиненій авторъ пользовался трудами Михайловскнго-Данилевскаго, Богдановича, Б. Каменскаго, Полторацкаго и мн. другихъ.

А. Ельницкй.

ГЛАВА I.

Происхожденіе, юношескіе годы и начало служебной карьеры Ростопчина въ качествѣ любимца Павла I и министра иностранныхъ дѣлъ.

Изъ четырехъ любимцевъ Павла I *), пользовавшихся извѣстностью, тотъ, о которомъ мы намѣрены говорить здѣсь, является, конечно, наиболѣе замѣчательнымъ. И, дѣйствительно, онъ возбудилъ всемірный интересъ. Мало того, что его имя тѣсно сплетено съ событіемъ необычайной важности и отнынѣ вписано огненными буквами на страницы исторіи, онъ самъ по себѣ является столь выпуклой, оригинальной и поражающей всеобщее воображеніе фигурой русскаго вельможи, что не было даже никакой нужды въ колоссальномъ московскомъ пожарѣ 1812 года, чтобъ какъ слѣдуетъ освѣтить его. Эта катастрофа, главнымъ творцомъ и виновникомъ которой онъ является, и которая его прославила, побудила однихъ называть его поджигателемъ и лютымъ татаринимъ, даже негодяемъ, какъ кратко величалъ его самъ Наполеонъ, заявившій въ одномъ изъ своихъ бюллетеней, что ему кажется, «будто Ростопчинъ сошелъ съ ума.» И въ то же время эта катастрофа приводила въ восторгъ многихъ дру-

*) Трое другихъ были: Кутайсовъ, Паленъ и Аркачеевъ.
Прим. перев.

гихъ, какъ, напр., ген. Филиппа де-Сегюръ, не находившаго достаточно похвалъ по адресу ея виновника. Во всякомъ случаѣ это событіе обезпечило ему вполне почетное мѣсто среди тѣхъ немногихъ дѣятелей, благодаря энергіи и своевременно принятымъ рѣшеніямъ которыхъ было предотвращено наступленіе событій, чреватыхъ послѣдствіями; обезпечило, даже несмотря на то, что онъ самъ, по не вполне понятнымъ мотивамъ, громогласно отклонилъ отъ себя столь великую честь и впоследствии предпочелъ, скорѣе по побужденіямъ ума, чѣмъ такта, выдвинуть все то, что было рѣзкаго въ его характерѣ, эксцентричнаго и причудливаго въ его вкусахъ, страннаго и даже смѣшнаго въ его мысляхъ, какъ бы для того, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть трагическаго впечатлѣнія, производимаго его именемъ со дня осуществленія имъ великаго акта, сожженія Москвы, явившагося героическимъ средствомъ противъ ужаснаго несчастья.

Ростопчинъ, дѣйствительно, не гнался за ореоломъ, которымъ его съ самого начала увѣнчала исторія: славѣ героя онъ предпочелъ репутацію блестящаго салоннаго кавалера, съ умомъ столь же замѣчательнымъ, сколь и страннымъ. Эти качества на самомъ дѣлѣ нашли въ немъ, когда онъ прибылъ въ Парижъ и тамъ обосновался на нѣкоторое время. Тамъ чудовищный поджигатель и свирѣпый татаринъ превратился въ человѣка любезнаго и остроумнаго. Съ другой стороны, онъ безъ сомнѣнія, доказалъ, что сыны Москвы, вопреки всѣмъ обычнымъ эпитетамъ, которыми ихъ награждали, не лишены достоинствъ, даже преимущественно французскихъ, обезсмертившихъ со времени Фонтенелля, Вольтера и многихъ другихъ наше право на изысканный языкъ и удачныя остроты.